

Политическая лингвистика. 2025. № 1 (109).
Political Linguistics. 2025. No 1 (109).

УДК 811.161.1'42+81'373.613+81'25
ББК Ш141.12=51+Ш118+Ш141.12-323

ГРНТИ 16.41.21

Код ВАК 5.9.5

Сергей Васильевич Власов¹, Дмитрий Григорьевич Демидов², Александр Михайлович Камчатнов³

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ s.vlasov@spbu.ru, ResearcherID: C-3969-2016, SPIN-код: 3031-5554

² demidoffs@rambler.ru, Researcher ID: LXU-5145-2024, SPIN-код: 1783-7047

³ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, am.kamchatnov@mpgu.su, Researcher ID: AAB-9415-2020, SPIN-код: 5548-6600

К вопросу об образовании и истории слов *приверженец*, *партизан*, *сторонник* (русско-французские связи в области политического дискурса)

АННОТАЦИЯ. В статье на основе методов этимологического, словообразовательного, историко-лексикологического и дискурсивного анализа, а также приемов корпусной лингвистики прослеживается взаимодействие заимствования и калькирования слов в русском политическом дискурсе в результате процесса перевода и переосмысливания (семантизации) иноязычного политического дискурса на русской почве. Поиски русских эквивалентов французского слова «partisan» в политическом значении приводят к появлению новых русских слов «приверженец» и «сторонник» и, в конечном счете, к устраниению самого заимствованного слова «партизан» в этом политическом значении.

В ходе эйдетического перевода с европейских языков производное слово «приверженец» (буквально ‘подкидыши’) утрачивает связь с духовной сферой приверженности к Богу в прецедентном тексте Пс. 21, сближается с корнем -верз- ‘привязывать’ и переходит в сферу выражения партикулярных отношений, приобретая новую ассоциацию привязанности, теперь — к какому-либо политическому деятелю или к политической партии и начинает служить эквивалентом французскому слову «partisan». Наряду с этим в активное употребление к середине XIX в. входит слово «сторонник». Возможно, это русский эквивалент адаптированного к русскому полногласию польского слова «stronnik», калькированного еще в конце XVIII века в польском с фр. «partisan» (от итальянского «partigiano»), хотя можно допустить калькирование французского слова и на русской почве. В конечном итоге процесс взаимодействия трех синонимов — «приверженец», «партизан», «сторонник» — завершается их семантической и стилистической дифференциацией: слово «приверженец» тяготеет по своему происхождению к словам высокого стиля и означает непоколебимую преданность какому-либо вероисповеданию, великому учению или высокопоставленному лицу; слово «сторонник» является стилистически нейтральным и означает деятеля, придерживающегося какого-либо частного направления в политике, идеологии, науке; слово «партизан» окончательно закрепилось в военной сфере, а вне ее употребляется в ироническом стиле.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, перевод, заимствование слов, заимствованные слова, калькирование, словообразование, «партизан», «приверженец», «сторонник», русский язык, лексикология русского языка, иноязычная лексика, иноязычные слова, французский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Власов Сергей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, email: s.vlasov@spbu.ru.

Демидов Дмитрий Григорьевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; email: demidoffs@rambler.ru.

Камчатнов Александр Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания им. И. Г. Добродомова, Московский педагогический государственный университет; 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; email: am.kamchatnov@mpgu.su.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Власов, С. В. К вопросу об образовании и истории слов *приверженец*, *партизан*, *сторонник* (русско-французские связи в области политического дискурса) / С. В. Власов, Д. Г. Демидов, А. М. Камчатнов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1 (109). — С. 132–143.

Sergey V. Vlasov¹, Dmitriy G. Demidov², Aleksandr M. Kamchatnov³

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹ s.vlasov@spbu.ru, ResearcherID: C-3969-2016, SPIN code: 3031-5554

² demidoffs@rambler.ru, Researcher ID: LXU-5145-2024, SPIN code: 1783-7047

³ Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, am.kamchatnov@mpgu.su, Researcher ID: AAB-9415-2020, SPIN code: 5548-6600

On the Question of the Formation and History of the Words *priverzhenets*, *partizan*, *storonnik* (Russian-French Relations in the Field of Political Discourse)

ABSTRACT. The article, based on the methods of etymological, word-building, historico-lexicological and discursive analyses, as well as on the techniques of corpus linguistics, traces the correlation between borrowing and calquing in the Russian political vocabulary in the process of translation and rethinking (semantization) of foreign-language political discourse on Russian soil. The search for Russian equivalents of the French word “partisan” in its political meaning leads to the emergence of new Russian words “priverzhenets” — ‘adherent’ and “storonnik” — ‘supporter’ and, ultimately, to the elimination of the borrowed word “partizan” in this political meaning.

In the course of eidetic translation from European languages, the derived word “priverzhenets” (literally ‘foundling’) loses its connection with the spiritual sphere of commitment to God in the precedent text of Ps. 21, comes closer to the root *-verz-* ‘to tie’ and moves into the sphere of expression of particular relations, acquiring a new association of adherence, now — to some political figure or to a political party and begins to serve as an equivalent of the French word “partisan”. Along with this, by the middle of the 19th century, the word “storonnik” comes into active use. This word may be a Russian equivalent of the Polish word “stronnik”, adapted to the Russian pleophony and calqued in Polish at the end of the 18th century from the French “partisan” (from the Italian “partigiano”) ‘supporter’, although it is possible that the French word was also calqued on Russian soil. Ultimately, the process of correlation between three synonyms — “priverzhenets”, “partizan”, “storonnik” — ends with their semantic and stylistic differentiation: the word “priverzhenets” — ‘adherent’ gravitates in its origin to words of high style and means unwavering devotion to some religion, great teaching or high-ranking person; the word “storonnik” — ‘supporter’ is stylistically neutral and means an activist adhering to some particular direction in politics, ideology, science; the word “partizan” — ‘partisan’ has finally become established in the military sphere, and outside of it “partizan” is used in an ironic style.

KEYWORDS: political discourse, translation, word borrowing, borrowings, calquing, word building, “partisan”, “priverzhenets”, “storonnik”, Russian language, Russian lexicology, foreign vocabulary, foreign words, French language.

AUTHOR'S INFORMATION: Vlasov Sergey Vasil'evich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of French, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Demidov Dmitriy Grigor'evich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Kamchatnov Aleksandr Mikhaylovich, Doctor of Philology, Professor, Head of General linguistics Department named after I. G. Dobrodomov, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Vlasov S. V., Demidov D. G., Kamchatnov A. M. (2025). On the Question of the Formation and History of the Words *priverzhenets*, *partizan*, *storonnik* (Russian-French Relations in the Field of Political Discourse). In *Political Linguistics*. No 1 (109), pp. 132–143. (In Russ.).

Одна из истин исторического словообразования заключается в том, что образование слова нельзя отделять от истории самого слова и стоящих за ним реалий. Хотя у слов *приверженец* и *сторонник* морфемная структура совершенно прозрачна, а иноязычное происхождение слова *партизан* бесспорно, их образование в русском языке не столь тривиально, как это может показаться на первый взгляд. Методы синхронного словообразования не способны объяснить происхождение (момент зарождения) и развитие способностей к социально-политическому воздействию на читателя-слушателя этих слов, поэтому будут применены методы этимологического, историко-словообразовательного, историко-лексикологического анализа, а также приемы корпусной лингвистики. Все три слова, несомненно, активно включались и включаются в политический дискурс имперского, советского и постсоветского периодов русской истории, что влечет за собой применение элементов методов текстологического и дискурсивного анализа.

Как будет показано ниже, слово *партизан* / *партизант* в качестве политического

термина в значении ‘сторонник, приверженец’ вошло в русский язык в начале XVIII в. [СлРЯ XVIII в.], однако в НКРЯ зафиксировано употребление данного слова для этого времени исключительно в «военном» значении ‘наездник, действующий вне рядов регулярной армии’. В 1780-е гг. входит в употребление слово *приверженец* как переводной эквивалент фр. *partisan*. Проникновение слова *партизан* в общеупотребительный литературный язык в значении ‘сторонник, приверженец’ отмечается в НКРЯ только с конца 1810-х гг. на фоне уже укоренившегося слова *приверженец*. Слово *сторонник* появляется в середине 1820-х гг. и примыкает к нему в общем употреблении не ранее 1840-х гг. Этим обусловлен заявленный в заглавии порядок рассмотрения выбранных слов.

Приверженец

Это слово произошло от причастия *привърженъ* — формы глагола, восходящего к праслав. *vъrg- // *verg-. Согласно этимологическим данным, продолжениями праслав. *vъrg- // *verg- являются укр. *віргати*(ся) ‘кидать(ся)’, блр. диал. *віргацца* ‘брькаться

(про коней)', болг. диал. *въ́ргам*, чеш. *vrhati* (se), *vrhnouti* (se), слвц. *vrhat'* (sa) 'бросать(ся)', польск. *wierzgać* 'лягать'.

Из этих сопоставлений можно заключить, что исконное значение праслав. корня — 'бросать с силой'. Соответственно, глагол *привъръгъ* — *привъръги* — *привъръзи* значит 'бросить по направлению к чему-, кому-либо'.

Судя по данным исторических словарей, глагол в русской огласовке **привъръги*, **привъръзи* в памятниках письменности вообще не употреблялся, а в славянской огласовке *привъръзи* и др. под. был в употреблении уже в древнейших переводах с греческого:

«ПРИВРЪЦИ, -връгж, -връжеши сөв. кого, чъто къ комоу, чесомоу; въ чъто (8) [привръгъ- Зогр (1) Мар (1) Син (1) Евх (1) Клоц (1) Супр (2)] прообрѣссеи бросить *vrhnout*, *hodit* (к пѣкоти, к пѣсети): привръженъ бысть въ островъ Супр 539, 4 • ріптиеи, єтпріптиеи положить *položit*: привръгж я къ ногама ис(оу)свама *Mt 15, 30* Зогр Мар» [CC: 500].

Эти данные позволяют предположить, что глагол *привъръгж* является калькой греческого глагола *ἐπιρρίπτω* — деривата от глагола *ρίπτω* с весьма широким кругом значений, но единой внутренней формой 'бросать, метать, кидать': 'бросать невод в море, жребий, оскорбительные слова, проклятия, ввергать кого-л. в несчастье; подвергать себя риску'; 'извергать, удалять, изгонять'; 'сбрасывать, сталкивать, свергать'; 'бросать, покидать'; 'отбрасывать прочь'; 'подбрасывать, поднимать' [см. Дворецкий II: 1454–1455].

Приставка *єтп-* указывает на направление движения: 'бросать, кидать, метать (на кого-л., что-л. или в кого-л.)' [Дворецкий I: 631].

Унаследованный из ст.-сл. языка, гл. *привъръзи* получил широкое употребление в памятниках оригинальной древнерусской литературы, о чем можно судить даже по скучным данным исторических словарей.

Бүря въста с вѣтромъ... безбожныхъ Руси корабль смате (и) к берегу приверже (Лавр. лет., 21 под 866 г.).

Уобиену же Глебови и повержено на пустѣ мѣстѣ межи двѣма кладма сосновыми и привръженъ хвастомъ (Переясл. лет., 40 под 1035 г.).

Потомъ же къ болести злѣи привергъши и, и тѣтѣни предавъши и (Пч., 419. XIV–XV вв. ~ XIII в.).

Се бо съ страхом предстою ти, въ глубину мѣсти твоа отг҃яление привергъ дѣша моѧ (Требник, 301 об. XVI в.).

Господи, господи... к тѣвъ привръженъ есмъ (Ж. Авр. Чух., 491. XVII в. ~ XV в.).

Все примеры взяты из [СлРЯ XI–XVII вв. 19: 123].

Последний пример представляет собой парадиз Пс. 21:11, на чем следует остановиться немного подробнее.

По тексту Геннадиевской Библии 1499 г. это чтение выглядит так: *ктѣвъ привръженъ есмъ ѿ ложесиъ. ѿ ѹрѣва мѣре моѧ . єзъ мои еси ты . не ѿстуши ѿ мене, іако скрѣбъ близъ . іако нѣсть помагающаго ми.*

Существенное значение для понимания значения потенциального сущ. *привръженец* имеет толкование гл. *привергати* и прич. *привръженъ* в «Церковном словаре» прот. Петра Алексеева: исходный глагол с корнем *-верг-* толкуется с полным осознанием его верной исходной мотивации броском: «ПРИВЕРГАТИ, (привергаю, гаеш) или ПРИВЕРГНУТИ, подкинуть, прикинуть, подбросить. Мат. 15. 30» [Алексеев 1773: 263]. Однако в толковании значения причастия уже нет оглядки на внутреннюю форму ни греческого, ни славянского глагола: «ПРИВЕРЖЕНЪ, нна, нно, поручен, или вверен кому. Псал. 21. 11» [Алексеев 1773: 263]. Правдоподобно выглядит предположение о том, что в данном случае П. Алексеев ориентировался на польские переводы Псалтыри; ср. польск. (по тексту Брестской Библии 1563 г.): «*Jesthem tobie poruczony wnet po vrodzeniu*» [Biblia święta 1563: 295 г, с. 303 электронной копии] или Краковской Библии: «*Ná cie porzucony iestem z żywotą* [Biblia 1599: 567, с. 609 электронной копии]. Именно здесь нужно искать исток того, что производные *привръженец*, *привръженность* стали выражением идеи преданности кому- или чему-либо.

Страдательное причастие *привръженъ* позволяет выдвинуть в качестве бесспорного положение о том, что в данной ситуации участвуют два субъекта: тот, **кто** привергает, и тот, **кого** привергают. В контексте Пс. 21:11 привергающим и привергаемым Господу Богу является Давид; предавая, вверяя, вручая, привергая себя Богу, Псалмопевец, с одной стороны, целиком и полностью отдает себя во власть Господа, а с другой стороны, со стороны Бога, уповаает на Его помощь; такие отношения между двумя субъектами в русском языке кратко и емко выражаются словами *преданность, привръженность*.

Таким образом, сущ. *привръженец* должно бы иметь прямое значение 'подкидыши' и переносное ' тот, кто послужен воле высшей силы, согласен ее выполнять, считает это своим долгом, а взамен уповаает на помощь этой высшей силы', однако в этом значении данное слово, насколько можно судить по словарям и НКРЯ, не употреблялось. Тем не менее ясно, что значение преданности как

взаимного отношения двух субъектов здесь видно вполне отчетливо, что прямо вытекает из толкования прич. *приверженъ* в Словаре П. Алексеева.

Это значение было эксплицировано составителями САР¹. «*Приверженный*, нная, нное. *Приверженъ*, на, но. къ кому, прил. * Прилепленный, привязанный, преданный кому. Къ тебъ приверженъ есмъ. Пс. XXI. 11» [САР-1, 1: стлб. 611–612]. При этом *привергаю* толкуется как ‘Прибрасываю, прикидываю что к чему или к кому’ (с оговоркой о глаголе, что он «редко употребляемый»), *привержение* ‘прилепление к кому, преданность кому’, *приверженность* — как ‘внутреннее расположение духа с удовольствием чувствовать от кого свою зависимость’ (с примером «*Истинная наша приверженность къ Богу познается изъ соблюденія заповѣдей его*»), *приверженникъ* — как ‘То же, что и приверженный’. Корень *-верз-* в САР¹ не выделяется. Под общим корнем *-верг-* даются глаголы *разверзаю* и *разверзаюся* [там же, стлб. 614] с примерами из библейских книг (Пс., Ев., Царств.) и Летописи. Появление у древнего причастия *приверженъ* новой ассоциации с идеей привязанности видно, например, у Крылова:

К нему *привержены* мы были по нашей только должности; но к тебе *прилепляемся* всеми нашими сердцами [И. А. Крылов. Почта Духов... (1789)].

Сущ. *приверженец* появилось в оригинальном (непереводном) тексте лишь в конце XVIII в., скорее всего, на рубеже веков, не ранее¹:

...случалось ему ездить на половину к государыне или к ее *приверженцам* [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Письма 91-96 (1800)].

Первые употребления слова *приверженец* относятся ко времени еще до его появления в оригинальных русских текстах. Три раза оно встречается в переводах, сделанных М. И. Веревкиным с французского:

Приверженцы ея (императрицы Матильды — С. В., Д. Д., А. К.) день ото дня множились [Милло 1786: 192]. Во фр. оригинале “son parti” [Millot 1776: 163], т. е. ее партия (партия Матильды).

...как полуученные, *приверженцы* особых умствований, любители новизнъ и мнѣній изступленныхъ... [Записки 1786:

175]. Во фр. оригинале “l'esprit de parti” [Mémoires 1740: 125], т. е. дух партии.

Приверженцы короля Стефана (так именовался сын Иоанна Цаполя) не участвовали [Миньо 1788: 11-12]. Во фр. оригинале “Les partisans du roi Etienne” [Mignot 1771: 187], т. е. сторонники короля Стефана.

Поводом к образованию нового имени лица послужила необходимость найти подходящий переводной эквивалент для французских выражений (см. выше). А. Н. Радищев (печальная судьба которого известна) пробовал переводить фр. *partisans* русским *сообщники* в переводе «Размышлений о греческой истории» Мабли, вышедшем в 1773 г. Но профессиональный переводчик Михаил Иванович Веревкин, член-корреспондент Петербургской академии наук, член Академии Российской, подобрал более удачное существительное *приверженецъ* от того же причастия *приверженъ*, которое появилось в древней Псалтири, так как церковнославянский язык был традиционным источником книжной лексики. Однако в условиях работы с иноязычным текстом, независимо от воли и желания переводчика, изменилась смысловая перспектива этого существительного.

Вторичная ассоциация, зародившаяся в причастии *приверженъ*, «прикрепившая» его к глаголу *приверзить* (в значении ‘придать, привязать’), приобрела производящую силу и для нового слова *приверженность*, известном ранее наименования лица, уже с 1760-х гг., начиная с перевода «Римской истории» Роллена — Кревье Тредиаковским (который, заметим, конечно же, послужил Веревкину образцом искусства перевода с французского на русский). Как причастие *приверженъ* (у Тредиаковского употребляется во мн. ч.: *привержены* — в политическом значении ‘преданные своему предводителю’), так и образованное Тредиаковским от него существительное *приверженность* в политическом значении ‘преданности какому-либо влиятельному лицу’ соответствуют во французском оригинале причастию *attaché* (*attachés* во мн. ч. — дословно: *привязаны*) и существительному *attachement* (дословно: *привязанность*), образованным от глагола *attacher* (дословно: *привязывать*):

«Многие были *привержены* к особе Помпее, и держались по то время надеждою, что увидят его паки себе предводителем»

¹ Уже после отсылки статьи в редакцию журнала в НКРЯ появился новый контекст:

Когда тот явился, Неох был выведен во двор коллегии, дабы не осквернять оную присутствием стольких *приверженцев* иудейского закона [М. Д. Чулков. Сказка о тафтяной мушке (1784)].

Он изменяет начальную историю слова *приверженец*: оно появилось уже в 3-ей части 1-го издания «Славянских сказок» 1768 г. и употребляется еще в религиозном смысле аллюзии на Пс. 21 как иронизм. Веревкиным это слово было взято для переводов исторических сочинений уже в политическом значении. Свою стилистическую коннотацию слово *приверженец* получило благодаря Веревкину, а не Чулкову.

[Тредиаковский 1765, т. 14: 39] (во французском оригинале: «Plusieurs étoient attachés à la personne de Pompée; et ne s'étoient soutenus jusqu'à là que par l'espérance de le revoir à leur tête» [Crevier 1746, т. 14: 61]).

«Она (Клеопатра) доказала приверженность свою к Цесаревой стороне» [Тредиаковский 1765, т. 15: 39] (во французском оригинале: «elle avoit fait ses preuves d'attachement au parti de César» [Crevier 1746, т. 15: 183], курсив наш — С. В., Д. Д., А. К.).

После отвлеченного существительного появились и слова *приверженец* и *приверженник*. Все эти образования можно назвать, по Виноградову, литературнографизмами. Таким образом, приходится отдавать предпочтение не простой стихийной «народной этимологии», а сознательному примысливанию нового образа привязывания в светской среде к старому церковному причастию. Оно получило в Екатерининскую эпоху новую «политическую» жизнь. Церковное причастие сыграло роль катализатора: оно дало форму, которая была наполнена гражданским содержанием.

Слово *приверженец* первоначально употреблялось только в форме мн. ч., и до 1820-х гг. его можно было бы назвать *pluralia tantum*. Причиной этого является тот факт, что М. И. Веревкин переводил словоформой *приверженцы* собирательное имя *le parti* (партия) или форму мн. числа *les partisans*, создав таким образом тенденцию к преимущественному употреблению формы мн. ч. Собирательное имя существительное, однокоренное с *partisan*, может попадать в единый контекст со словом *приверженцы*:

Все законы, Божеские и человеческие, попираемы были ногами, и доколе **партия** оставалась победоносною, до тех пор очарованные мечтою **приверженцы** ее оставались нечувствительными и к частным бедствиям и к общим [Из Гиббоновой Истории об упадке и разрушении Римской Империи // «Вестник Европы», 1811].

Первыми, кто решился на выделение из собирательного множества одного-единственного лица, были И. М. Долгоруков и Фаддей Булгарин:

Он ... думал и поступать хотел как **приверженец** Бурбонского дома... [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Часть 4 / 1799–1806 (1799–1822)].

Вы такой **приверженец** Гостиного двора, всегдаший его защитник и поборник! — возразил г-н Добров [Ф. В. Булгарин. Прогулка по тротуару Невского проспекта (1824)]. Булгарин встраивает это слово в градацию давно и хорошо известных синонимов *приверженец* — *защитник* — *поборник*.

До начала 1880-х гг. формы ед. ч. оставались единичными.

Из политического языка слово *приверженец* пришло в поэтический и было освоено там как во мн., так и в ед. числе раньше, чем в прозе. В короткий период рубежа XVIII–XIX вв. оно было явным поэтизмом:

Что пользы в том, что отнимаешь

Поля соседние других

И за пределы забегаешь

Самых *приверженцев* твоих? [В. В. Попугаев. Ода : «Не блещут златом потолки...» (1799)]

Но ваш *приверженец*-пинт

Сей славы, музы! [А. Г. Волков. К музам : «Тениста роща, злачный луг...» (1802)].

В. В. Попугаев и А. Г. Волков учились в Академической гимназии и там могли учить историю по переводам М. И. Веревкина.

С точки зрения ноэматического и эйдетического способов перевода [см. Камчатнов 1998] фр. слова *le partisan*, русский эквивалент *приверженец* является эйдетическим, поскольку использует свою подновленную, по сравнению с древнеславянской, и отличную от французской, внутреннюю форму привязанности. Ноэматический способ перевода того же французского слова увидим ниже в форме *сторонник*.

Партизан

СлРЯ XVIII в. отмечает французские, немецкие и шведские источники варианта *партизан* и польское посредство варианта *партизант*. Русскому языку небезразлична его предыстория в иностранных языках, претендующих на их оценку в качестве источников заимствования. В период заимствования слова *партизан* в течение всего XVIII века французский язык не разделяет столь решительно политическое и военное значения, сколь русский (ситуация обычная при заимствовании). Более того, первым уже в конце XV в. во французском языке возникло полито-дипломатическое значение (1) 'сторонник какого-либо лица', в котором оно заимствовано из итальянского *partigiano* (где это слово известно уже с XIV в.), с 1640 г. стало развиваться общее значение (2) 'сторонник какого-либо учения' и только с 1678 г. отражается значение 'солдат нерегулярных войск' (3), известны и другие французские значения этого слова, не столь актуальные для русского языка [Le Petit Robert 1 1990: 1367]. Значение (2) стало родовым, цементирующим все прочие. Это обстоятельство сыграло решающую роль в резком изменении употребления слова *партизан* в русском языке начиная с 1810-х годов. Оно вошло в синонимические отношения с уже освоен-

ным словом *приверженец*. Оба синонима употребляются И. М. Долгоруковым:

*Придворные обезьяны повесили нос, а Зубов и его **партизаны** сетовали с виду, но внутренне радовались падению колосса, который мог рано или поздно обрушиться на них всею своею массою* [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3 (1788–1822)]. См. также *приверженец Бурбонского дома* выше.

Значительную роль в распространении этого обобщенного значения сыграли советы «Российской универсальной грамматики, или Всеобщего писмословия» (СПб., 1769; в позднейших изданиях «Письмовника») Н. Г. Курганова по правильному употреблению этого заимствованного слова и его производящего: «Партизанъ, сообщникъ, сковникъ, согласникъ. ... Партия, сторона, часть, игра» [Курганов 1769: 404]. Толкование слова *партизанъ* через слово *сковникъ* (бунтовщикъ) ясно указывает на пейоративный оттенок слова *партизанъ*, идущий из французских контекстов, ср. приведенные выше переводы Веревкина.

История «военного» значения слова *партизан* детально рассмотрена в ст. [Корчагина 1965], поэтому здесь мы не будем на нем останавливаться. Переломными для этого заимствованного слова стали 1820-е гг., когда получило свое развитие общее значение ‘сторонник’, взятое из фр. языка.

Можно проследить, как французское слово *partisan* осваивалось в русском дворянском двуязычном обществе. Во французском языке хорошо сохраняется связь политического и военного значений: «*Partisan*, *m. qui est du parti de quelqu'un. Der einem anhaenger, ein Anhaenger. Assecia*. Единомышленникъ, согласникъ чей, въ согласі съ кѣмъ, новичекъ» [Волчков 1755–1764, 2: 597]. Н. Яновский в своем обобщенном толковании заимствует у Волчкова синонимы *единомышленникъ* и *согласникъ*, но подробное энциклопедическое описание посвящает только военному термину: «ПАРТИЗАНЪ, фр. Сообщникъ, единомышленникъ, согласникъ, последователь, защитникъ какой стороны. — На войнѣ такъ называется наѣздникъ, удалой всадникъ, дѣлающій уронъ непріятелю урывкою. Умный и опытный партизанъ доставляетъ великия выгоды армії: онъ удаляетъ отъ нея непріятельскія партіи...» [Яновский 1806, 3: стлб. 233–234]. Обратим внимание на однокоренное военный термин *партия* в толковании и на слово *сторона*, от которого недалеко и до *сторонника*.

Контакты с языками-источниками могут с течением времени возобновляться, может происходить переоценка ценностей. Когда мы имеем дело с интернационализмом, из иностранных языков один, в нашем случае французский, выходит на первое место и оказывает семантико-стилистическую индукцию на уже заимствованное слово. Первые контексты со словами *приверженец* и *партизан* показывают реальную возможность отрицательной иронической коннотации.

Сторонник

Об истории слова *сторонник* писали Я. К. Гrot, В. В. Виноградов, Е. А. Земская и Ю. С. Сорокин [Гrot 1870: 18; Виноградов 1952: 148–149; Земская 1957: 46–48; Сорокин 1965: 241–242]. Ю. С. Сорокин, вслед за Е. А. Земской, приводит цитату из исторической повести будущего декабриста А. Бестужева-Марлинского «Замок Нейгаузен» 1824 г.: «Я предал тебя *сторонникам Иоанна*» [Сорокин 1965: 241]. Это первое из известных нам употребление нового слова.

Возможно, это русский аналог адаптированного к русскому полногласию польского слова *stronnik*, калькированного в политическом значении с французского. Это слово, известное в польском языке в политическом значении по крайней мере с 1790 г. (‘*ale jestem najprzywiązszym stronikiem narodu Polskiego*’) [Staszic 1790: XVII; Linde 1859: 476], могло проникнуть в русский язык через польско-русские политические связи декабристов. Калькирование в польском языке происходило с опорой на французское слово *partisan* (от итальянского *partigiano*), в котором первая часть *part-* означает ‘*strona* (сторона)’, а все слово целиком имеет значение лица, обозначаемого славянским продуктивным суффиксом *-nik* (-ник), т. е. лица, находящегося на чьей-либо *стороне*.

Впрочем, допустимо и образование нового слова *сторонник* путем калькирования фр. *partisan* и на русской почве. Есть также возможность, что какое-то влияние на распространение слова *сторонник* в русском языке оказalo древнерусское *стороницъ*, известное из Псковской Первой летописи, подмеченное Н. М. Карамзиным и повторенное в 8-м томе «Истории государства Российского» [Карамзин 1819: 304]. Оно имело значение ‘доброволец’, близкое к военному значению фр. *partisan*.

Составитель русско-французского лексикона тут же считал нужным включить новое слово в свой словарь [Рейф 1836: 894]: «Сторонникъ, *sm. Celui qui est à côté d'un autre*» (дословно: тот, кто находится рядом с другим — С. В., Д. Д., А. К.).

Ю. С. Сорокин относит распространение слова *сторонник* как отдельного слова, но не русифицированного варианта слова *странник* к 30–40-м годам XIX в. [Сорокин 1965: 241], однако НКРЯ дает первый пример употребления слова *сторонник* только у А. В. Никитенко с начала 1840-х гг. Дальнейшая история этого слова, которое приобрело очень высокую употребительность, складывается в том числе благодаря ему. Он, будучи знатоком французского языка и цензором, вероятно, оценил находку Бестужева-Марлинского. А. В. Никитенко хорошо разбирался в борьбе партий и мнений и стал употреблять слово *сторонник* в своей собственной речи:

...Он противник так называемого классического образования и *сторонник* реального.... [Никитенко, запись от 15 (3) янв. 1842].

Так в судьбе важнейшего слова русского политического языка смыкаются судьбы непримиримых противников — заговорщика, мятежника, дерзнувшего поднять руку на Государя, и государственного чиновника, цензора, защитника существующих общественных устоев.

Слово *сторонник* еще в 1840-е годы употреблялось все-таки с большой опаской. Ср. следующее замечание В. Н. Майкова в рецензии на «Повесть об украинском народе» П. Кулиша (1846): «Язык „Повести“ очень чист, слог простой и ясный. Мы заметили только два или три не совсем русские слова, напр., *сторонник* вместо приверженец» [Сорокин 1965: 241]. Это свидетельство очень ценно потому, что пытается защитить рассмотренный выше «консервативный» синоним нового подозрительного слова.

Приведем, по НКРЯ, сравнительные количественные данные употребления прежних слов *приверженец* и *партизан* в значении 'сторонник' у тех авторов середины XIX в., которые чаще других в своем творчестве привлекали новое слово *сторонник* (см. табл. 1).

Этих авторов можно назвать сторонниками замены французского слова на его славянскую кальку. Прежде всего благодаря их творчеству слово *сторонник* окончательно вытеснило французское заимствование. Мы полагаем, что внешнелингвистической причиной вытеснения из употребления сущ. *партизан* из политического словаря была общая умеренно-пуристическая тенденция,

господствовавшая в русской культуре сер. XIX в., внутрилингвистической причиной — устранение одного из двух, военного и политического, омонимов.

Накануне и в начальный период появления нового слова *сторонник* мы еще встречаем слово *партизан* в том же значении:

...Жорж ... и он, как *партизан* Байрона, назвал ее *портретом* Лары [М. Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836–1837)].

В 40–50-е гг. XIX в. слово *партизан* в невоенном значении 'сторонник' еще употребляют П. В. Анненков, А. Ф. Вельтман, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др. В 60-е годы это слово закрепляется с особым оттенком очень страстного и деятельного сторонника, поборника, с таким оттенком встречается еще в 90-е гг. и захватывает начало XX в., ср.:

...мы пересаливаем, как *партизаны*, как люди *партии*... [Д. И. Писарев. Писемский, Тургенев и Гончаров (1861)]. Здесь можно усмотреть своеобразную *figura etymologica*.

То была политическая "партия", возникшая изъ династического вопроса: "шисть" значить "пристранный, *партизанъ*" [А. С. Трачевский. Судьба ислама // «Северный Вестник», 1895]. Имеется в виду внутренняя форма арабского слова, для которого подобрано не слово *приверженец* или *сторонник*, а именно *партизан*, что подчеркивает готовность к военному сопротивлению.

Постепенно «военное» значение становится основным, а общее значение 'сторонник, защитник (какой-либо стороны в борьбе с противниками), поборник' переосмысливается как метафорически переносное:

До сих пор существуют у нас ожесточенные враги преобразования и сильные *партизаны* всего европейского, — две *партии*, между которыми постоянно становятся непрошеные миротворцы, напоминающие собою того судью, который никогда не хотел решать дело в пользу одной из тяжущихся *сторон* для того, чтоб не поселять вражды между своими клиентами [В. Н. Майков. Стихотворения Кольцова с портретом автора... (1846)]. Здесь вновь *figura etymologica*, оживляющая родственные связи языка-источника, а также русское слово, воспринимаемое как производящее для слова *сторонник*.

Таблица 1. Сравнительные данные употребления слов со значением 'сторонник'

Автор	Приверженец	Партизан 'сторонник'	Сторонник
П. А. Кулиш	5	0	8
Д. А. Иловайский	0	0	5
Н. И. Костомаров	54	0	10
М. Е. С.-Щедрин	16	3	28

Французское происхождение этого слова в значении ‘сторонник’ становится средством художественной изобразительности и демонстрируется уже как варваризм:

Я не его **партизан**, но... *il faut avoir un peu d'indulgence pour lui* [Н. С. Лесков. На ножах (1870)].

Вот какой это был строгий человек, что даже несомненно либеральный **партизан** принципа *laissez passer, laissez faire*, и тот, как мог, ублажал его [М. Е. Салтыков-Щедрин. Сборник (1875–1879)].

Для истории русской общественной мысли очень важно, что так называли сторонников нового учения — коммунизма:

Вотъ какъ говоритьъ Кабе, выдающійся **партизанъ** коммунизма... [С. А. Юрьев. ... // «Русская мысль», № 8, 1882].

Эта традиция идет еще со времен Великой Французской революции:

Баллю де Белланглиз был страстным **поклонником** Жан-Жака Руссо и в такой же степени «**партизаном** революции» [М. В. Барро. Пьер-Жан Беранже... (1891)]. Слово **партизан** усиливает свои контекстные синонимические отношения со словом **поклонник**, которые мы уже видели у Л. Н. Толстого.

С началом Первой мировой войны «военное» значение окончательно вытесняет «гражданское».

Как раз в то же время, когда слово **партизан** в невоенном значении обрастает специфическими оценочными оттенками, с середины 1850-х до середины 1860-х годов, слово **сторонник** резко наращивает свою употребительность, что видно по графику частотности его употреблений в НКРЯ. Именно в это время происходит вытеснение новым словом **сторонник** его французского буквального заимствования **партизан**. Любопытно, что слово **приверженец** точно в эти же годы переживает «провал» частотности своей употребительности, как бы отступая в сторону от конкуренции в основной (в то время) синонимической паре.

Общая «идеологическая» («концептуальная», по проф. В. В. Колесову) история трех рассматриваемых синонимов политического дискурса представляется следующей.

Страдательное причастие **приверженец** означает, что есть некая сила, которой можно вверить, вручить кого-то, в том числе и себя; человек, будучи преданным, приверженным, воспринимает свои отношения к тому, кому он предан, как долг. Важно то, что тот, кто осуществляет акт вручения, вверения, осуществляет его в такой сильной форме, как бросание. Значит, этот субъект в не-

котором смысле есть Абсолют. Человек в этой ситуации почти пассивное существо, у него нет выбора в том смысле, что он не выбирает между несколькими вариантами. Таким образом, во внутренней форме слова **приверженец** есть идея связи человека с универсальной, абсолютной силой.

М. И. Веревкин, несомненно, под влиянием церковной традиции, подыскал в ней производящую словоформу для своего слова **приверженец**, но как? Вольно или невольно, он перенес его из высшей духовной сферы в сферу выражения партикулярных отношений, которые связаны со словом **партизан**. Пример ему подавал уже Тредиаковский, который придал слову **приверженность** светское значение. Возникло противоречие между универсальной внутренней формой слова **приверженец** и его партикулярным употреблением.

Политический дискурс отражает политическую жизнь с точки зрения партикулярных интересов. Наш XVIII век наполнен борьбой политических групп, кланов, партий, начиная с борьбы партий Петра и Софьи с жесточайшей казнью стрельцов и кончая убийством Павла Первого, ставшего жертвой борьбы партий. Слово **приверженец** по отношению к любой партийной принадлежности было неуместным.

Это противоречие между универсальной внутренней формой и партикулярным употреблением было решено так, что слово **приверженец** оказалось вытесненным из ядерного политического словаря, став выражением более высоких отношений, а партикулярное значение сначала выражалось заимствованным словом **партизан**, а затем словом **сторонник**, ставшим передавать ключевое политическое понятие современности (сторону можно менять; ср. популярное ныне в политическом дискурсе выражение *переобуться в воздухе*). В эпоху Наполеоновских войн, в эпоху патриотического подъема употребление французского слова **партизан** в невоенном смысле стало неуместным (то же касалось и многих других слов; в этой связи можно вспомнить попытки Пестеля создать новый политический словарь на русской основе — см. [Пестель 1958: 264–267]; между прочим, слово **партизан** в военном значении он предлагал заменить на **наездник**). Общеупотребительным в политическом значении становится слово **сторонник** вплоть до нашего времени.

Об особой актуальности концепта «**приверженец**» в русском обществе начала XIX в. свидетельствует тот факт, что в то время разыгралась даже целая конкуренция между новыми паронимами-именами деятеля при-

верженник и приверженец, причем победу одержало образование с церковнославянским суффиксом *-ец//ц-*. Имя действия привержение при этом так и не проникло из церковно-богослужебного языка в светский.

Заимствование слова *партизан* доводило ставшее общеупотребительным значение до твердого осознания его чужеродности. И на первое место вышло новейшее слово со вторичной мотивацией словом *сторона*. Понятие было усвоено и «русифицировано».

Исследуемые 3 слова имеют релятивное значение: *приверженец* одного учения может быть *противником* другого. Семантику наименований лиц по отношению к кому-чему следует рассматривать в условиях конкретных речевых актов, в которых важную роль играет позиция говорящего. Так, сам говорящий вряд ли скажет **он мой приверженец, *он мой партизан*.

В основном подкорпусе НКРЯ из 2743 примеров на *приверженец* по запросу «мой на расстоянии до трех слов *приверженец*» набирается лишь 4, что составляет всего 0,15 %, а по запросу «мой на расстоянии до трех слов *партизан*» в значении 'сторонник' — ни одного. Связано это с тем, что семантика слов *приверженец*, *партизан* никак не включает позицию говорящего. Но слово *сторонник* может участвовать в преобразованиях типа *он на моей стороне* → *он мой сторонник*. Из 8797 примеров на *сторонник* по запросу «мой на расстоянии до трех слов *сторонник*» имеется 44 примера, то есть 0,5 %, что в долевом соотношении в 3,3 больше, чем для слова *приверженец*. С представлением отстраненности от говорящего связаны слова (*по*)*сторонний*, *странный*, *отстранить*, выражения *на стороне*, *в стороне* и под. «*Сторонник* чего-то» означает, что сам говорящий сторонником этого обычно не является. В этом состоит большое преимущество слова *сторонник*, обусловившее его победу в синонимическом ряду.

Употребление слов *приверженец* и *сторонник* в последние полвека можно проследить по газетному подкорпусу НКРЯ (центральные СМИ). Выделяются вполне определенные новейшие тенденции сочетаемости. В позиции Род. падежа при слове *приверженец* чаще употребляются наименования крупных и значительных политических направлений, идеологических и религиозных систем (*мира и стабильности, европейской демократии*), зачастую с отрицательной коннотацией (*верховенства белой расы, запрещенной секты*), культурных и спортивных учреждений, явлений, традиций, системы питания или лечения (бега, *старого МХАТ*, *чаепития*). При слове *сторонник* чаще

встречаются наименования более конкретных и частных действий в политике (*разоружения, политики эмбарго*), наименования политических и военных групп и партий (*террористов, республиканцев*), но особенно бросается в глаза обилие наименований лиц (*Путина, Трампа, спикера, оппозиционера, кандидатов*). В противоположность русской политической культуре, французы не только сохранили свое слово *partisan*, но и закрепили его во всех употреблениях, в которых русские предпочитают ныне словá *сторонник* и *приверженец*. Прежняя тенденция ориентации на французское родовое словопонятие *партизан* преодолена окончательно.

В русском обиходе слово *приверженец* тяготеет к высокому стилю и сознательному и устойчивому выбору той или иной точки зрения, общественной позиции, какого-либо учения. Связано это со значением самостоятельного приближения, присоединения к чему-то, характерного для приставки *при-*, а также с активным значением суффикса *-ец*, с возможной отрицательной коннотацией, ср. *приспешник* (в текстах, помимо словарей, с 1827, по НКРЯ), *прихлебатель* (с 1786 в комедии кн. Дашковой «Тоисиоков», то есть в то же время, когда Веревкин делал свои переводы, и, возможно, в пике ему), *прихлебала* (с 1930), *прилипала* (с 1916, до этого — только в знач. наименования вида рыб); *беглец, беженец* (этот пример показывает переразложение суффикса страдательного причастия и нейтрализацию значения пассива: *~ен-ец* > *~енец*), *боец, душегубец, жрец, купец, лжец, ловец, певец, писец, полководец, продавец, стрелец, творец, торговец, хлебопашец, чтец*.

Слово *сторонник* образовано по той же модели, что и (*идоло)поклонник, поспешник, сковник, сообщник*, и поэтому так же, в зависимости от точки зрения говорящего, может приобретать отрицательную окраску.

Суффикс *-ец* также не чужд политической сфере: *беженец, бундовец, комсомолец, ленинец, непротивленец, отверженец, партиец, петрашевец* (и др. от имен собственных), *посланец, примиренец, просвещенец, республиканец, самозванец, свободолюбец, сопротивленец, черносотенец*.

Итак, рассмотрены слова политической сферы, обогатившие собой синонимический ряд, в котором уже существовали древние слова *сообщник, защитник, поборник, единомышленник, товарищ*. Судя по НКРЯ, с конца XVIII в. к ним присоединяется *сподвижник*. Словообразовательная модель на *-ник* оказалась направляющей всю дальнейшую историю ряда. Это предопределяет выход на главное место в нем слова *сто-*

ронник. Примерно в то же время, что и сподвижник, появляется слово *приверженец*. Оно введено в политический обиход при передаче значения французского *partisan* замечательным переводчиком М. И. Веревкиным на основе причастия *привержен* из Пс. 21 от глагола *приврещи* ('подбросить') с опорой на глагол *приверзити* ('привязать'). Оторвавшись как от славяно-русского церковного контекста, так и от своего иностранного источника, новое слово зажило своей собственной жизнью, занимая достойное место в средствах высокого публицистического стиля. Недолгое время в течение XIX в. с ним конкурировало заимствованное слово *партизан* в обобщенном значении 'сторонник', однако к началу XX в. его окончательно вытеснило слово *сторонник*. В наше время оно тяготеет к сочетаниям с наименованиями политических деятелей, тогда как *приверженец* — к сочетаниям с наименованиями важных политических течений и вероисповеданий (хотя в первые десятилетия своего бытования зависимые слова со значением влиятельного лица были вполне обычны). Нерешенным остается вопрос: почему, несмотря на включение в САР, семикратное употребление в «Истории государства Российского» — издании, вызывавшем необычайный интерес у читателей, карамзинское слово *приверженник* все-таки уступило место своему парониму *приверженец*? Может быть, оно противоречило ряду церковных слов *бессребреник*, *мученик*, *постриженник*, *священник*, *смиренник*, *труженик* (Божий), *ученик*, а слово на -енец, напротив, встраивалось в высокую риторическую пару светских неославянизмов-литературнографизмов *сподвижник* — *приверженец* с внутренним признаком противопоставления «совместный / присоединившийся», ср. *сподвижники друг друга*, но *приверженцы некоего другого*.

ИСТОЧНИКИ

- Алексеев, П. А. Церковный словарь, или истолкование речений славянских древних... / П. А. Алексеев. — Москва : Печатан при Императорском Московском университете, 1773. — 394 с. — URL: https://viewer.rusneb.ru/tu/000199_000009_003340792?page=1&rotate=0&theme=white — Текст : электронный.
- Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–17 (А — З) / А. Е. Аникин. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2007–2023. — URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=anikin>. — Текст : электронный.
- Волчков, С. С. Нового вояжирова лексикона на французском, немецком, латинском и российском языках С литеры Г, до конца Алфавита часть вторая / С. С. Волчков. — Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1764. — 1282 с. — Текст : непосредственный.
- Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1–2 / И. Х. Дворецкий. — Москва : ГИС, 1958. — Текст : непосредственный.
- Записки, надлежащія до исторіи, наукъ, художествъ, нравовъ, обычаевъ, и проч. Китайцевъ ... / М. И. Веревкин

(переводчик). — Москва, 1786–1788. — Т. 1, 1786. — 346 с. — Текст : непосредственный.

6. Карамзин, Н. М. История Государства Российского. Т. 8 / Н. М. Карамзин. — Санкт-Петербург : Типография Н. Гречи, 1819. — 308, 163, [5] с. — Текст : непосредственный.

7. Курганов, Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмовложение... / Н. Г. Курганов. — Санкт-Петербург : [типография Морского кадетского корпуса], 1769 года. — 424 с. — Текст : непосредственный.

8. Милло, К. Ф. К. Начальные основания Англійской истории... Т. I / К. Ф. К. Милло. — Санкт-Петербург : Типография Горного училища, 1786. — 560 с. — Текст : непосредственный.

9. Миньо, В. История турецкая... Часть 2 / В. Миньо. — Санкт-Петербург : Типография Горного училища, 1790. — 573 с. — Текст : непосредственный.

10. Никитенко, А. В. Дневник / А. В. Никитенко. — URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B483%5D&diaryType=%5B1%5D&offset=499> — Текст : электронный.

11. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01. 11. 2024). — Текст : электронный.

12. Рейф, К. Ф. (1836). Русско-французский Словарь ... Т. 2: П–V / К. Ф. Рейф. — Санкт-Петербург : Типография Н. Гречи. — С. 649–1112. — Текст : непосредственный.

13. Роллен, Ш. [Кревье Ж.-Б. Л.] (1765–1766). Римская история Т. 14–15 / Ш. Роллен. — Санкт-Петербург : [Типография Академии наук], 321 с., 316 с. — Текст : непосредственный.

14. САР-1 (1789) — Словарь Академии Российской. Часть I: от А. до Г. — Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук. — 1150 столбцов. — URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sar>. — Текст : электронный.

15. СлРЯ XI–XVII вв. — Словари русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32 (А — У) (1975–2023). — Москва : Наука. — URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>.

16. СлРЯ XVIII в. (1984–1991; 1992–...) — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–6. — Ленинград, 1984–1991; Вып. 7–... Санкт-Петербург : Наука, 1992–... — URL: <https://feb-web.ru/feb/slav-abc/>. — Текст : электронный.

17. СлФасм — Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера — URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>. — Текст : электронный.

18. Пестель, П. И. «Словники», составленные П. И. Пестелем / П. И. Пестель. — Текст : непосредственный // Восстание декабристов. Документы. — Т. VII. — Москва : Госполитиздат, 1958. — С. 264–267.

19. СРНГ 31 — Словарь русских народных говоров. Вып. 31 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — 432 с. — URL: <https://iling.spb.ru/publications/1357>. — Текст : электронный.

20. СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — Москва : Русский язык, 1994. — URL: <https://macedonia.krorai-na.com/cejlin/index.htm> — Текст : электронный.

21. Яновский, Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту [...] Т. 1–3 / Н. М. Яновский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1803–1806. — Текст : непосредственный.

22. Biblia swiata[...]. — Brzesć, [Cyprian Bazylk?]; z roskaźnania a nakładem [...] Mikołaja Radziwila, 1563. — 579 f. — URL: <https://www.pbc.rzeszow.pl/dlibra/publication/6250/edit0n/5722/content?ref=desc>. — Text : electronic.

23. Biblia to jest księgi Starego i Nowego Testamentu [...]. — Kraków, Drukarnia Łazarzowa, 1599. — 1479 p. — URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/1687/edit0n/2752?language=pl>. — Text : electronic.

24. Crevier, J.-B. L. Histoire romaine ... Т. 14–15. / J.-B. L. Crevier. — Paris : Veuve Estienne et fils ; Desaint et Saillant, 1746. — 528 p., 418 p. — Text : unmediated.

25. Le Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / ed. P. Robert ; rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. — Paris : Le Robert, 1990. — 2172 p. — Text : unmediated.

26. Linde, S. B. Słownik języka polskiego: R — Т. 5. — Lwów : W drukarni zakładu Ossolińskich, 1859. — 758 s. —

URL: https://books.google.se/books?id=5cucvXy-MSYC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s. — Text : electronic.

27. Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages, etc. des Chinois. Par les Missionnaires de Pékin. Tome I. — Paris, chez Nyon, 1776. — 481 p. — Text : unmediated.

28. Mignot, V. Histoire de l'Empire Ottoman, depuis son origine jusqu'à la paix de Belgrade en 1740. Par M. Mignot, Abbé de Scellieres / M. Mignot. — Paris, Le Clerc, 1771. — 685 p. — Text : unmediated.

29. Millot, C. F. X. Élémens de l'histoire d'Angleterre, depuis son origine sous les Romains, jusqu'au regne de George II., T. 1. Troisième édition / C. F. X. Millot. — Paris : Durand neveu, 1776. — 461 p. — Text : unmediated.

30. Staszic, S. Przestrogi dla Polski z teraźniejszych politycznych Europy związków i z praw natury / S. Staszic. — [S.l. : s.n.], 1790. XX, 166 s. — URL: <https://winntbg.bg.agh.edu.pl/skrypyty2/0143/>. — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Веселитский, В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. / В. В. Веселитский. — Москва : Наука, 1972. — 319 с. — Текст : непосредственный.

2. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1977. — 317 с. — Текст : непосредственный.

3. Виноградов, В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков) / В. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкоизнанию. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. — С. 99–152.

4. Гrot, Я. K. Отчет о четвертом присуждении Ломоносовской премии [...] (Из разбора словаря В. И. Даля) / Я. K. Гrot. — Санкт-Петербург, 1870. — 112 с. — Текст : непосредственный.

5. Ефимова, В. С. Старославянская словообразовательная морфемика / В. С. Ефимова. — Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2006. — 366 с. — Текст : непосредственный.

6. Живов, В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков / В. М. Живов. — Москва : Языки русской культуры, 2004. — 656 с.

7. Земская, Е. А. Из истории русской литературной лексики XIX века (к изучению научного наследия Я. К. Грота) / Е. А. Земская. — Текст : непосредственный // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. IV. — Москва : Акад. наук СССР. Ин-т рус. языка, 1957. С. 46–48.

8. Камчатнов, А. М. История и герменевтика славянской Библии / А. М. Камчатнов. — Москва : Наука, 1998. — 222 с. — Текст : непосредственный.

9. Камчатнов, А. М. Понятие словообразовательного отношения в историческом освещении / А. М. Камчатнов. — Текст : непосредственный // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2016. — № 1 (62).

10. Корчагина, С. Т. К истории слова *партизан* / С. Т. Корчагина. — Текст : непосредственный // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. — 1965. — Т. 258. — С. 211–227.

11. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. — Москва : Наука, 1977. — 316 с. — Текст : непосредственный.

12. Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. — Москва ; Ленинград, 1965. — 565 с. — Текст : непосредственный.

13. Трубачев, О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О. Н. Трубачев. — Текст : непосредственный // Принципы и методы семантических исследований. — Москва, 1976. — С. 147–149.

14. Улуханов, И. С. Основы построения исторического словообразования русского языка / И. С. Улуханов. — Текст : непосредственный // Русистика сегодня. — 1994. — № 1. — С. 9–22.

MATERIALS

1. Alekseev, P.A. (1773). *Cerkovnyj slovar', ili istolkovanie rechenij slavenskih drevnih...* [Church dictionary, or interpretation of ancient Slavic sayings]. Moscow: Moscow University Printing

House, 394 p. Retrieved from https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003340792?page=1&rotate=0&theme=white (In Russ.)

2. Anikin, A.E. (2007–2023). *Russkij jetimologicheskij slovar'* [Russian etymological dictionary] (Vol. 1–17). Moscow: Institute of Russian language named after V.V. Vinogradov RAS. Retrieved from <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=anikin> (In Russ.)

3. Volchkov, S.S. (1764). *Novago vojazhirova leksikona na francusskom, nemeckom, latiniskom i rossijiskom jazykah S litery G, do konca Alfavita chast' vtoraja* [New travel lexicon in French, German, Latin and Russian From the letter G to the end of the Alphabet, part two]. St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1282 p. (In French, German, Latin and Russian)

4. Dvoreckij, I.H. (1958). *Drevnegrechesko-russkij slovar'* [Ancient Greek-Russian Dictionary] (Vol. 1–2). Moscow: GIS, 1904 p. (In Ancient Greek and Russ.)

5. Zapiski (1786). *Zapiski nadlezhashhija do istorii, nauk, hudozhestv, nraov, obychaev, i proch. Kitajcev...* [Notes pertaining to the history, sciences, arts, morals, customs, etc. of the Chinese ...] (Vol. 1). Moscow: University Printing House, at N. Novikov's, 346 p. (In Russ.)

6. Karamzin, N.M. (1819). *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State] (Vol. 8). St. Petersburg: N. Grech Printing House, 308, 163, [5] p. (In Russ.)

7. Kurganov, N.G. (1769). *Rossijskaja universal'naja grammatika, ili Vseobshhee pismoslovie...* [Russian universal grammar, or General writing...]. St. Petersburg: Printing house of the Naval Cadet Corps, 424 p. (In Russ.)

8. Millot, C. F. X. (1786). *Nachal'nye osnovaniya Anglijskoj istorii...* [Élémens de l'histoire d'Angleterre]. St. Petersburg: Printing house of the Mining school, 560 p. (In Russ.)

9. Min'o, V. (1790). *Istoriya tureckaja...* [Turkish history...] (Part 2). St. Petersburg: Printing house of the Mining school, 573 p. (In Russ.)

10. Nikitenko, A.V. (n.d.). *Dnevnik* [Diary]. Retrieved from <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B483%5D&diaryTy=pes=%5B1%5D&offset=499> (In Russ.)

11. *NKRJa* — Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National Corpus of the Russian Language]. Retrieved from [www.ruscorpora.ru](http://ruscorpora.ru)

12. Rejf, K.F. (1836). *Russko-francuzskij Slovar'...* [Russian-French Dictionary ...] (Vol. 2: P-V, pp. 649–1112). St. Petersburg: N. Grech Printing House. (In Russian and French)

13. Rollin, Ch. [Crevier J.-B. L.] (1765–1766). *Rimskaja istorija...* [Roman history...] (Vol. 14–15). St. Petersburg: [Printing House of the Academy of Sciences], 321 p., 316 p.

14. SAR-1 (1789). *Slovar' Akademii Rossijskoj. Chast' I: ot A. do G* [Dictionary of the Russian Academy. Part I: from A. to G.]. Saint Petersburg: Printing House of the Academy of Sciences, 1150 columns. Retrieved from <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sar>

15. SIRJa XI–XVII vv. (1975–2023). *Slovar' russkogo jazyka XI–XVIIvv* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries] (Vol. 1–32, A — U). Moscow: Nauka. Retrieved from <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>

16. SIRJa XVIII v. *Slovar' russkogo jazyka XVIII v. ...* [Dictionary of the Russian language of the 18th century] (Vol. 1–6). Leningrad: Nauka, 1984–1991; Vol. 7... St. Petersburg: Nauka, 1992–... Retrieved from <https://feb-web.ru/feb/s18/slov-abc/>

17. *SIFasm* — Jetimologicheskij onlajn-slovar' russkogo jazyka Maksa Fasmera [Max Vasmer's Etymological Online Dictionary of the Russian Language]. Retrieved from <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>

18. Pestel', P.I. (1958). «Slovniki», sostavленные P. I. Pestelем [“Dictionaries” compiled by P. I. Pestel. In *The Decembrist Uprising. Documents* (Vol. VII, pp. 264–267)]. Moscow: State Political Publishing House. (In Russ.)

19. SRNG 31 (1997). *Slovar' russkih narodnyh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects] (Issue 31, Chief Editor F. P. Sorkoletov). St. Petersburg: Nauka, 432 p. Retrieved from <https://iling.spb.ru/publications/1357> (In Russ.)

20. Zeitlin, R.M., Vecherka, R., & Blagova, E. (Eds.) (1994). *SS — Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X–XI vekov)* [Old Church Slavonic Dictionary (based on manuscripts of the 10th–11th centuries)]. Moscow: Russian language. Retrieved from <https://macedonia.kroraina.com/cejtin/index.htm>

21. Janovskij, N.M. (1803–1806). *Novyy slovotolkovatel', raspolozhennyj po alfavitu...* [A new word-interpreter, arranged alphabetically ...] (Vol. 1–3). St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.)
22. *Biblia swięta* [...] (1563). Brześć, [Cyprian Bazylk?]; z roszczaniam a nakładem [...] Mikołaja Radziwiła, 579 f. Retrieved from <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/1687/edition/2752?language=pl>
23. *Biblia to jest księgi Starego i Nowego Testamentu* (1599). Kraków, Drukarnia Łazarzowa, 1479 p. Retrieved from <https://www.pbc.rzeszow.pl/dlibra/publication/6250/edition/5722/content?ref=desc>
24. Crevier, J.-B. L. (1746). *Histoire romaine...* (Vol. 14–15). Paris: Veuve Estienne et fils; Desaint et Saillant, 528 p., 418 p.
25. Robert, P. (Ed.) (1990). *Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* (Ed. P. Robert. Rédition dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove). Paris: Le Robert, 2172 p.
26. Linde, S.B. (1859). *Słownik języka polskiego: R — T. 5*. Lwów: W drukarni zakładu Ossolińskich, 758 s. Retrieved from https://books.google.se/books?id=5cucvXy-SYC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s
27. *Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, etc. des Chinois* (1776). Tome I. Paris, chez Nyon, 481 p.
28. Mignot, V. (1771). *Histoire de l'Empire Ottoman, depuis son origine jusqu'à la paix de Belgrade en 1740* (Par M. Mignot, Abbé de Scellieres). Paris, Le Clerc, 685 p.
29. Millot, C. F. X. (1776). *Éléments de l'histoire d'Angleterre, depuis son origine sous les Romains, jusqu'au règne de George II*. (T. 1, Troisième édition). Paris: Durand neveu, 461 p.
30. Staszcic, S. (1790). *Przestrogi dla Polski z teraźniejszych politycznych Europy związków i z praw natury*, XX, 166 p. Retrieved from <https://winntbg.bg.agh.edu.pl/skrypty2/0143/>

REFERENCES

1. Veselitskiy, V.V. (1972). *Otvlechennaya leksika v russkom literaturnom jazyke XVIII — nachala XIX v.* [Abstract vocabulary in the Russian literary language of the 18th - early 19th centuries]. Moscow: Nauka, 319 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V.V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka, 317 p. (In Russ.)
3. Vinogradov, V.V. (1952). Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii (Na materiale russkogo i rodstvennykh jazykov) [Word formation in its relation to grammar and lexicology (Based on Russian and related languages)]. In *Voprosy teorii i istorii jazyka v svete trudov I. V. Stalina po jazykoznaniju* [Questions of the theory and history of language in light of the works of I. V. Stalin on linguistics] (pp. 99–152).
4. Grot, Ja. K. (1870). *Otchet o chetvertom prisuzhdenii Lomonosovskoj premii...* [Report on the fourth awarding of the Lomonosov Prize...]. St. Petersburg: Printing House of the Academy of Sciences, [2], 112 p. (In Russ.)
5. Efimova, V.S. (2006). *Staroslavyanskaya slovoobrazovatel'naya morfemika* [Old Church Slavonic word-formation morphemics]. Moscow: Int-slavyanovedeniya RAN, 366 p. (In Russ.)
6. Zhivov, V.M. (2004). *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo jazyka XVII–XVIII vekov* [Essays on the historical morphology of the Russian language in the 17th - 18th centuries]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 656 p. (In Russ.)
7. Zemskaja, E.A. (1957). Iz istorii russkoj literaturnoj leksiki XIX veka (k izucheniju nauchnogo nasledija Ja. K. Grota) [From the history of Russian literary vocabulary of the 19th century (to the study of the scientific heritage of Ya. K. Grot)]. In *Materialy i issledovaniya po istorii russkogo literaturnogo jazyka* [Materials and research on the history of the Russian literary language] (Vol. IV, pp. 46–48). Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Language. (In Russ.)
8. Kamchatnov, A.M. (1998). *Istoriya i germenevtika slavjanskoj Biblii* [History and hermeneutics of the Slavic Bible]. Moscow: Nauka, 222 p. (In Russ.)
9. Kamchatnov, A.M. (2016). Ponyatie slovoobrazovatel'nogo otnosheniya v istoricheskem osveshchenii [The concept of word-formation relationship in historical interpretation]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 1(62). (In Russ.)
10. Korchagina, S.T. (1965). K istorii slova *partizan* [On the history of the word partisan]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena* [Scientific notes of the Leningrad Pedagogical Institute named after A. I. Herzen], 258, 211–227. (In Russ.)
11. Lopatin, V.V. (1977). *Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika: problemy i printsipy opisaniya* [Russian word-formation morphemics: problems and principles of description]. Moscow: Nauka, 316 p. (In Russ.)
12. Sorokin, Ju.S. (1965). *Razvitiye slovarnogo sostava russkogo literaturnogo jazyka. 30–90 gody XIX veka* [Development of the vocabulary of the Russian literary language. The 1830s-1890s]. Moscow, Leningrad: Nauka (Leningrad section), 565 p. (In Russ.)
13. Trubachev, O.N. (1976). Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika [Etymological studies and lexical semantics]. In *Printsipy i metody semanticeskikh issledovaniy* (pp. 147–149). Moscow. (In Russ.)
14. Ulukhanov, I.S. (1994). *Osnovy postroeniya istoricheskogo slovoobrazovaniya russkogo jazyka* [Fundamentals of the construction of historical word formation of the Russian language]. *Rusistika segodnya*, 1, 9–22. (In Russ.)